

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ И КОНКРЕТНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рудакова Искра Евсеевна⁶
д.э.н., профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова
Экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Аннотация

В статье рассматриваются основные линии расхождения фундаментальных положений экономической теории и практики, прикладных разделов экономики. Рассматривается также полемика вокруг этой проблемы, получившая особую остроту в связи с последним экономическим кризисом. Отмечая основные вехи развития экономической теории, автор прослеживает, как исторически складывалось такое расхождение. В статье показано, что в значительной мере расхождение связано с особенностями метода экономической теории. В статье отражено, как взаимная критика представителей экономической теории и конкретно-экономических дисциплин продвигала вперед научную разработку важнейших версий экономической науки.

Ключевые слова: расхождение теории и практики, фундаментальные основания теории, метод абстракции, операциональные понятия, скоординированный результат деятельности, микроосновы макроэкономики.

JEL коды: A110, A120, B300, B410.

⁶ iskrrud@migmail.ru

Вопрос о связи теории и реальности, никогда не уходящий из поля зрения экономистов, на современном этапе развития экономической науки приобретает особую актуальность.

Экономическая теория, как и другие фундаментальные науки, пользуется методом отвлечения от частных (методом абстракции), затемняющих картину базовых повторяющихся (системообразующих) событий. Она рассматривает связи основных явлений при «прочих равных». Базовые явления, отобранные исследователями в качестве основных объектов, очищенные от экономических «шумов» в теоретической интерпретации превращаются в абстрактные переменные величины экономических моделей.

Кроме того, экономика как объект исследования исключительно подвижна, изменчива, непрестанно развивается. Поэтому периодически возникает несоответствие между выводами теоретической концепции, разработанной на базе наблюдавшихся ранее явлений, и изменившейся реальной экономикой, где начало сказываться действие ранее скрытых или вообще не существовавших факторов и потому не попавших в поле зрения ученого. Отсюда, естественно, возникает разрыв между множеством реальных событий и теми явлениями, которые исследователь-теоретик избрал как наиболее значимые, и превращенные им в объясняющие переменные.

Эта особенность метода приводит к тому, что теоретические «выкладки» часто воспринимаются как мало затребованные, поскольку в современной экономике бизнесу и государственному управлению, якобы, гораздо важнее конкретные знания и компетенции профессиональных экономистов, а не «общие рассуждения оторванных от жизни теоретиков».

Различие предметов и методов теоретического и конкретно-экономического разделов науки выражается в несовпадении научных траекторий этих областей знаний. Исследователи отмечают серьезный разрыв между «наукой (чистой теорией) и искусством (применением конкретных экономических рекомендаций)»⁷.

Рассмотрим, как развивалось и по каким линиям проходило «расхождение» теории и реальности, получившее отражение также и в «разночтении» теории и прикладных дисциплин по мере эволюции экономических знаний. Отметим, что, оценивая критические замечания в адрес экономической теории в указанном здесь ракурсе, мы останавливаемся только на тех, которые сопровождалась предложением некоторой альтернативной версии, а не ограничивалась лишь заявлениями о «практической непригодности общих рассуждений теории».

⁷ Проблема связи теории с ее практическим применением широко исследована в «Экономика как искусство. Методологические вопросы применения теории в прикладных социально-экономических исследованиях» / под ред. О.И. Ананьина. (Экономика как искусство, 2008).

1. Полемика

Надо отметить, что упреки в адрес экономической теории за ее «отрыв от реальности» – история давняя. Историк экономической мысли Марк Блауг, рассматривая развитие метода экономической теории у классиков, ссылается на работу Э. Кернса «Характер и логический метод политической экономии», изданную в 1875 г., где Кернс высказал раздражение по поводу нескончаемого потока насмешек, который сторонники английской исторической школы адресовали «нереалистичным предпосылкам классической экономической теории» (Блауг, 2004, с. 32).

По мере совершенствования экономической теории нарастала и становилась все активней критика недостаточного отражения реальности, так сказать «изнутри», от самих теоретиков. Пол Самуэльсон в лекции 1970 г. по поводу вручения ему нобелевской премии отметил, что «экономика как наука длительное время развивалась в отрыве от проблем экономики как объекта исследования». Он цитирует риторический вопрос Артура Пигу, содержащий сомнение в практической пригодности теоретических знаний: «Может ли кому-нибудь прийти в голову нанять экономиста для управления пивоваренным заводом?». И дальше замечает: «...Только в последней трети нашего века... экономическая теория начала активно претендовать на то, чтобы приносить пользу бизнесмену-практику и государственному чиновнику» (Самуэльсон, 1993, с. 184).

Представители экономической теории «не оставались в долгу» перед защитниками преимуществ конкретных знаний, называя предлагаемые ими подходы описательными, поверхностными, уводящими от сущности явлений, «вульгарными». Взаимное «недружество» немало объяснялось тем, что экономисты-теоретики не всегда удостаивали своих читателей или слушателей достаточно понятным изложением своих идей. Мало кому удавалось, подобно Маршаллу, так изложить научную версию, что, по выражению Кейнса, «читатель может перейти теорию вброд, даже не замочив ног» (Селигмен, с. 300). К тому же экономисты-теоретики часто гораздо больше заботились о безукоризненности своих логических построений, чем о статистическом доказательстве полученных результатов.

Защитники теории находили свои аргументы. Один из самых глубоких аналитиков истории экономической мысли норвежский экономист Рагнар Фриш, нобелевский лауреат 1969 г., защищая роль экономической теории, отмечал: представители германской исторической школы, американские институционалисты остро критиковали неоклассиков, за то, что они не подвергали свои теоретические выводы статистической верификации. Эти школы отличала, по выражению Рагнара Фриша, неудачная и достаточно наивная вера в наблюдение, «свободное от теории», в то, что факты должны «говорить сами за себя». Фриш замечает: «Факты, которые говорят сами за себя, говорят очень наивным языком» (Фриш, 2004, с. 59).

Забегая вперед, скажем, что «взаимные упреки» экономистов-теоретиков и представителей конкретных экономических дисциплин в значительной степени способствовали прогрессу этих двух областей экономической науки. Взаимная критика, в конце концов, явилась одним из побудительных факторов дальнейшего совершенствования экономической теории; использование количественных методов укрепляло связь теоретических концепций с наблюдаемыми явлениями. В то же время знание основных линий расхождения теории и реальности, теории и прикладных дисциплин помогает уточнению и развитию предмета и метода этих разделов экономической науки и сегодня.

2. Как возникали расхождения

Рассмотрим кратко, как исторически складывался так называемый отрыв теории от реальности, чем он обусловлен и как он выглядит сегодня.

Появление экономической теории – систематического теоретического знания – связано с именем Адама Смита. Он очертил границы предмета экономической теории, выделив главные явления, существование и развитие которых определяет движения материи, составившей объект исследования, – экономики. Именно эти явления, обобщенные в понятия, – богатство, труд, стоимость, разделение труда, производительность, распределение богатства и проч. позволили открыть то, что потом получило название *фундаментальных оснований* экономической теории. Выделение этих понятий было началом *метода абстракции*. На ранних ступенях теории первостепенное значение имело понимание происхождения, природы (сущности) тех явлений, которые экономическая теория включала в свой предмет.

Важнейшим этапом в разработке экономической теории, в оформлении ее как области системного знания стали работы Альфреда Маршала. Он консолидировал, по выражению И. Шумпетера (Шумпетер, 2001, с. 1501), достижения классиков и открытия маржиналистов, извлек из этой консолидации новую теоретическую систему, получившую затем название «неоклассики». Он создал научную версию рыночной экономики, разработал теорию цены и процесса ее формирования под одновременным действием спроса и предложения и таким образом объяснил действие рыночного механизма.

Одной из важнейших заслуг Маршалла перед «чистой теорией», приблизившей ее к точным наукам, был тот факт, что ряду понятий Маршалл придал *операциональный* характер, сделавший их орудием экономического анализа на всех последующих этапах развития экономической теории.

Примером этой работы может служить идея «*репрезентативной фирмы*»⁸, оказавшая значительное влияние на развитие формальных методов в теории. В деятельности фирм, независимо от их характерных особенностей (размеров, отраслевой ориентации, форм организации и проч.), было выделено нечто общее: прибыль как целевая функция, сопоставление издержек и выручки для получения прибыли, значение предельной производительности, значение закона убывающей отдачи при определении размера фирмы. В понятии репрезентативной (представительной) фирмы использовались сильные допущения: совершенная конкуренция, свободное предпринимательство, полная осведомленность всех участников обмена о ценах, суверенитет производителя над средствами производства и продуктом производства, отсутствие препятствий для движения капитала.

Такое представление о фирме было неизбежно абстрактным. Однако с точки зрения построения теоретической конструкции достигался важный результат: были выделены ключевые переменные в деятельности фирмы, идентифицирующие ее как феномен рынка, формирующий рыночное предложение. Стало возможным квантифицировать основные параметры ее деятельности. Понятие «фирма» приобрело *операциональность*: фирма – единица хозяйственной деятельности, результаты которой можно было определить как *функцию* и включить в модель, описывающую ее рыночное поведение. Но именно это важнейшее продвижение к модели рыночной экономики породило то, что в последствии вызвало упреки в абстрактности⁹.

Следует заметить, что общие положения экономической теории в изложении Маршалла, являясь мощными обобщениями, имели важную особенность: в них была отчетливо отражена хозяйственная практика того времени, они базировались на многочисленных примерах из современной Маршаллу жизни, из экономической истории ряда стран, из реального законодательства. Читатель видел это, знакомясь с грандиозным трудом ученого. Так, рассмотренная выше теория фирмы, как она представлена в работе Маршалла, являла собой довольно тесное соединение теории и практики, от которой экономическая теория в своих последующих версиях ушла во имя большей логической стройности. Стоит припомнить, как Маршалл описывает свойства (сейчас бы мы сказали «*компетенции*»), которые должен иметь предприниматель как организатор производства¹⁰: он дол-

⁸ М. Блауг, перечисляя заслуги Маршалла перед экономической теорией, отмечает, что многие из его идей вошли в учебники, некоторые были абсорбированы экономической литературой и изменены до неузнаваемости, а некоторые, как, например, идея репрезентативной фирмы, были отброшены за ненужностью. (Blaug, 1986). Интересно, что идея репрезентативной фирмы снова пригодилась много позднее, когда возникла потребность обогатить макроэкономику элементами микроэкономики. Именно идея репрезентативных субъектов рынка позволила включить в макроэкономические модели некоторые элементы их поведения и тем самым расширить понимание макроэкономических процессов.

⁹ Идея репрезентативности позднее была перенесена и на другого субъекта рыночной экономики – потребителя. Это позволило создать современные теории потребления (прежде всего гипотезы адаптивных ожиданий М. Фридмана и рациональных ожиданий Р. Лукаса), и построить объяснительные версии экономических колебаний.

¹⁰ Детальный анализ практической деятельности предпринимателя позволил Маршаллу дополнить перечень факторов производства – земля, труд, капитал – такими новыми факторами, как «предпринимательская способность» и «организация производства».

жен «обладать глубоким знанием всех *особенностей* своей отрасли. Он должен уметь предвидеть общие тенденции развития производства и потребления... Он должен быть способен к трезвым суждениям и смелому риску, и, разумеется, он должен разбираться в сырье и машинах, применяемых в его отрасли.... Но, кроме того, в своей роли работодателя он должен быть прирожденным руководителем людей» (Маршалл, 1983, с. 382).

Переход от классической парадигмы к неоклассической означал изменение предмета исследования и метода теоретического анализа. Маржинализм переместил предмет исследования в сторону *механизма функционирования* экономики, исследования *поведения субъектов экономики* – домашних хозяйств и фирм, методов принятия ими экономических решений. Особое значение приобрело логически не противоречивое доказательство возможности *скоординированного результата* действий всех участников в единой системе обмена благ, в ходе функционирования которой реализуются несовпадающие индивидуальные цели. Экономическая теория объяснила *сходимость интересов субъектов экономики*, достижение рыночной экономикой равновесных состояний. Теория доказала, почему «экономическая субстанция» не распадается под напором бесконечного разнообразия действия индивидов, и каким образом ресурсы могут распределяться так, что их структура позволяет создавать необходимому обществу набор благ с наименьшими затратами.

Чем дальше уходила экономическая теория от «подробностей» экономической жизни, тем точнее и логически более строго обоснованными были ее предпосылки, тем совершенней становились ее понятия и модели. Построенные на такой основе теоретические модели, хотя и давали упрощенные «образы» экономики, но, тем не менее, составляли базу достаточно достоверного экономического прогноза, когда речь шла об основных фоновых тенденциях развития экономики. Идея репрезентативности экономического субъекта оказалась плодотворной.

Простота объяснения экономических явлений была не упрощением ради упрощения, но путем к более глубокому пониманию главного (стержневого) процесса и использованием адекватных методов для изложения сути дела. Эрнст Мах отмечал, что хорошее объяснение – это простое объяснение, которое легко запомнить и которое увязывается с большим разнообразием наблюдаемых явлений (подчеркнуто нами И.Р.) (Самуэльсон, 1993, с. 184). В этом смысле экономическая теория не проявляет какую-то присущую только ей «слабость». Как справедливо заметил Морис Алле, «любая наука является компромиссом между стремлением к простоте и стремлением к сходству» (Алле, 1994, с. 12).

Приведенный выше пример репрезентативной фирмы (и репрезентативного субъекта как такового) согласуется с этой мыслью: поведение фирмы аналогично поведению любых хозяйствующих субъектов рынка. Общим принципом их деятельности является максимизация полезного эффекта. Конечно, «совсем мало» остается от многообразия целей и путей их достижения реальными субъектами экономики в конкретной жизни, но выделение этого «малого» (основных

принципов) дает отправной пункт и определяет логику исследования поведения в разнообразных конкретных случаях.

Оценивая критику в адрес экономической теории за ее «отрыв» от реальности, следует отметить, что это неизбежный результат, без которого теория не может выполнить своей функции – дать картину экономического мира в краткой схематической форме, позволяющей понять общие зависимости. Остроумное суждение на эту тему по поводу макроэкономического моделирования высказал Дэвид Ромер. Анализируя модели экономического роста, он отметил, что модель Р. Солоу в высшей степени упрощена. Она рассматривает только один продукт; правительство отсутствует; колебания в занятости игнорируются; производство описано агрегированной производственной функцией, имеющей всего три фактора; нормы сбережения, обесценения, роста населения и технического прогресса постоянны. Естественно думать, что «пропуски» многих очевидных черт мира, многие из которых важны для роста, есть дефекты модели. Но цель модели не состоит в том, чтобы быть реалистичной. Кроме того, мы уже обладаем моделью, которая полностью реалистична – это мир сам по себе. Проблема в том, что эта «модель» слишком сложна для понимания. ... Упрощение облегчает понимание» (Romer, 2006, с. 13–14).

Строгое следование научной логике в ряде случаев приводило к внутренним противоречиям теории, замеченных критиками¹¹. Так, И. Шумпетер отмечает несоответствие неизбежного единообразия рыночного поведения при принятых жестких предпосылках и отсутствие единообразия конечного результата. Механизм чистой конкуренции (взятый за предпосылку в теоретической версии) заставляет участников рынка максимизировать свою чистую выгоду путем оптимального приспособления количеств покупаемых и продаваемых благ. Эта адаптации (исходящая из абсолютного единообразия начальных условий для всех участников) приводит к *разным результатам* в зависимости от информированности, скорости реакции и «рациональности» участников игры, а также в зависимости от ожиданий относительно будущих изменений цен. Кроме того, сказываются ограничения, созданные их прошлыми решениями. Таким образом, сходство позиций участников в начале движения дает различный результат в конце, не согласующийся с исходными предпосылками. Первым автором, ощутившим логический дискомфорт в связи с совершенной конкуренцией был Г.Л. Мур, указавший на этот парадокс конкуренции в публикации 1906 г. *Paradoxes of Competition* (Шумпетер, 2001, с. 1283).

¹¹ Следует отдать должное Маршаллу: создав строго логическую трактовку теории потребления, он сам оценивал недостаток строгого логического построения, которое может увести в сторону от трудностей экономического анализа реальности, в частности, проблем бедности и социальной несправедливости.

3. Математизация

Операциональность понятий экономической теории выражалась и в их *квантификации*, позволившей в математической форме представить действие сложных систем. Подобный метод построения научных версий превращал экономическую теорию в довольно точную дисциплину, приближавшую ее к естественным наукам. Метод абстрагирования в экономической теории сильно продвинулся вперед с широким применением математических методов в экономическом анализе.

Значение математизации обобщенных абстрактных понятий для построения моделей видно на модели общего равновесия Л. Вальраса. Решая новаторскую задачу «разработки основ математической теории экономического процесса, он (Вальрас) не имел иного выбора, по выражению Шумпетера, кроме «героического упрощения». Он постулировал, что затраты факторов в единице продукта являются технологическими константами; «что не существует такого феномена как постоянные издержки; что все фирмы в отрасли производят продукт одного и того же вида, одним и тем же методом и в равных количествах; что производственный процесс *не занимает* времени; что проблемами размещения производства можно пренебречь» (Шумпетер, 2001, с. 1283). Эти допущения (предпосылки) широко применялись в неоклассической экономической теории. Чистую конкуренцию трактовали как «всезнание» участников рыночного обмена, идеальную рациональность, мгновенность реакции. Отклонения от модели принадлежали к обширной области «фрикций». К фрикциям относили все, что не вмещалось в концепцию совершенной конкуренции. Математизация превратила экономические концепции в «чистую экономическую теорию».

Сильная степень абстракции позволила достичь на тот момент выдающегося итога – создать модель общего равновесия, строго доказывавшую сходимость результатов действия всех субъектов в пространстве рыночной экономики¹².

После Л. Вальраса с учетом новых математических приемов и аналитической техники теория общего равновесия была доработана и развита К. Эрроу, Ж. Дебре, М. Аллэ¹³. Усилиями этих ученых вершина теории совершенной конкуренции была достигнута. Модель общего равновесия явилась строгим научным доказательством максимы А. Смита о действии механизма «невидимой руки рынка» – автоматического регулятора экономики. Теория равновесия выполняла роль основной модели экономического обмена. Логически строго (и математически доказательно) экономический процесс был представлен как функционирование системы, где «все участники экономики имеют дело с одним и тем же мно-

¹² Заметим, между прочим, что стремление к точности определений и применение количественных методов в экономической теории совсем не исключало эвристических интуитивных способов продвижения научной мысли.

¹³ О значении этой работы см. в нобелевской речи Ж. Дебре. Экономическая теория в математической форме. 8 дек. 1983 г.

жеством цен, которое обеспечивает общий поток информации, необходимой для обеспечения координации в системе» (Эрроу, 2004, с. 141).

Интересно, что в высшей степени абстрактная теория общего равновесия и доказанное (абстрактно-теоретически) свойство системы приводить в равновесные состояния позволили К. Эрроу объяснить *практические действия* людей: при нарушении механизма функционирования (например, во время войн) возникает парадоксальное недоверие к вышедшей из равновесия системе, «ей не желают доверять в условиях, сильно отклоняющихся от обычных... Принимается за очевидное, что эти сдвиги могут быть обеспечены только путем контроля над ценами, нормирования и прямого распределения ресурсов» (Эрроу, 2004, с. 139). Это наблюдение Эрроу подтверждается снова и снова на практике в болезненные переломные моменты жизни экономики, во время экономических кризисов, трудности и дисбалансы которых каждый раз стимулируют поиск методов контроля над экономикой со стороны нерыночных сил с целью вернуть систему к нормальному равновесному состоянию.

Дальнейшее развитие формальных методов в экономике позволило получить важный результат в современной теории экономических колебаний. К числу такого рода концепций относится теория реального делового цикла (РДЦ) Э. Прескотта и Ф. Кюдланда, нобелевских лауреатов 2004 г. Созданная с учетом влияния ожиданий и других субъективных факторов в условиях сильной неопределенности теория РДЦ представляет версию, построенную во многом на базе *техники анализа*. Метод калибровки (способ статистической проверки теоретической модели) стал важнейшим достижением теории циклических колебаний. Теория РДЦ предсказала колебания в совокупном выпуске под действием периодически повторяющихся шоков производительности, и они действительно происходили в последней трети XX века и в первом десятилетии века XXI. Теория РДЦ довольно точно предсказала, что в периоды падения производства безработица будет иметь *проциклическую* динамику, также как и реальная заработная плата (Plosser, 1989). Эта теория предсказала, что средняя производительность труда – выпуск на одного работника – выше во время бума и ниже во время спада и рецессии¹⁴.

4. Изменение предпосылок

Развитие внутренней логики научной теории и неудовлетворенность большими «зазорами» между абстрактными моделями экономики и реальностью способствовали появлению новых версий экономической теории. Прежде всего, это были попытки рассматривать отклонения от абстрактных условий совершенной конкуренции. Этот пробел был заполнен различными версиями *несовершенной конкуренции*. В сущности, теории несовершенной конкуренции играли в каком-

¹⁴ Эти выводы нетривиальны. Так, в соответствии с неоклассическими представлениями, в основе которых – производственная функция с убывающей предельной производительностью, во время подъема в связи с ростом капитала (капиталовооруженности) производительность должна падать. Наблюдения и выводы теории РДЦ обрушивают один из столпов предшествующих взглядов.

то смысле роль конструктивной критики экономической теории, теорий *ad hoc*, восполнявших логические «просветы» между «чистой теорией» и практической картиной реальных рынков. Одна из создательниц теории несовершенной конкуренции Джоан Робинсон, отмечала, что в реальном мире предпосылка о совершенной конкуренции не действует. Экономисты, которые в своих логических построениях руководствовались этой предпосылкой (а на ней основывались все теории классической и неоклассической школ), «приходили к ошибочному выводу, будто последняя имеет такое же значение и в реальном мире» (Робинсон, 1986, с. 40).

Более резкой критике подверг теоретиков совершенной конкуренции Э. Чемберлин. «...Соединение теории конкуренции с такими фактами, для объяснения которых она не годится, не только вело к ложным выводам относительно фактов; оно привело также к затемнению самой теории» (Чемберлин, 1996, с. 29).

Стараниями разработчиков теории несовершенной конкуренции в неоклассическую концепцию был введен ряд идей, расширивших круг фундаментальных оснований теории, значительно приблизивших ее к реальности. Один из главных моментов состоял в том, что поведение несовершенного конкурента формировалось с учетом характеристик внешней среды, особенностей рыночной структуры. Это дало основание для разработки идеи *стратегического поведения* хозяйствующего субъекта¹⁵.

Были обогащены многие другие теоретические концепции. Появилась возможность показать равновесие при неэффективном распределении ресурсов. Расширилось понятие эффективности, были изучены разные типы эффективности (и неэффективности) - производственная, аллокативная, стало возможным оценить социальную цену неэффективности несовершенного конкурента. Была разработана концепция неценовой конкуренции не в связи с издержками, а за счет дифференциации продукции, учитывавшая реальность сочетания, переплетения совершенной конкуренции и чистой монополии.

5. ...плюс институты

Значительным этапом продвижения экономической теории к отражению реальности было появление и развитие институциональных концепций, авторы которых также «внесли большой вклад» в критику экономической теории. Институционалистов не устраивали высокий уровень абстракции, присущий неоклассике, статический (и тем самым нереалистический) характер ортодоксальной теории цены, недостаточная эмпиричность классической и неоклассической теорий (Блауг, 1994, с. 657). В отличие от первого поколения институционалистов (Т. Веблен, Дж. Коммонс), не предложивших, по мнению Блауга, никакой «жизненной альтернативы неоклассической теории», неоинституционалисты значительно повлияли на экономистов-теоретиков, в особенности в их «движении к конкретно-

¹⁵ Начиная с разработок 1930-х гг., «если забыть о великом мастере 1838 г.», как сказал Фриц Махлуп, имея в виду А. Курно.

му». В теоретических версиях были учтены феномены внешней среды обитания субъектов рынка – институты.

Дуглас Норт подметил существенный недостаток неоклассической теории - противоречие между логикой теоретической версии и необходимостью учета внешних (институциональных) обстоятельств экономической деятельности. Он отметил безукоризненную логическую стройность неоклассической версии от определения поведенческих принципов индивида, формирования и накопления капитала, до условий роста общего выпуска на душу населения. Но с точки зрения экономической истории неоклассическая версия ущербна, оставляет неясными ряд вопросов. Здесь проявилась именно та опасность, о которой подозревал Маршалл: строгая логика сильно очищает предмет исследования в ущерб реальности. Мир, который она изучает, по образному выражению Норта, лишен трения: в нем нет институтов, все изменения происходят посредством совершенно функционирующего рынка. «Короче, здесь не существуют стоимость необходимой информации, неопределенность, транзакционные издержки» (Nort, 1981, p. 4–5). Именно благодаря этому «несуществованию» неоклассическая формула оставляет необоснованными лежащие в основе ее версий предпосылки, которые должны использоваться для развития основного массива теории экономики.

Один из разработчиков неоинституционального подхода Х. Демсец обратил внимание на этот «пробел» в теории: «...Принятое в модели совершенной конкуренции допущение об отсутствии информационных издержек делает эту модель бесполезной для исследования фирмы» (Demsetz, 1967, p. 349).

Обогащение экономической теории за счет заполнения «пробела» связано, прежде всего, с работами Рональда Коуза. Он показал двойственность механизма распределения ресурсов – в процессе функционирования рынка и путем административного планирования внутри фирмы. В пионерной статье 1937 г. Коуз определяет свою цель – «устранить разрыв между предположениями экономической теории, что в одних случаях ресурсы размещаются посредством механизма цен, а в других – усилиями предпринимателя-координатора» (Коуз, 2001, с. 35).

Подход Коуза позволил включить в теоретический анализ экономики транзакционные издержки, вызвал необходимость коррекции принципа максимизации, показал значение институтов для процесса обмена в обществе, и, прежде всего, частной собственности, – все это значительно обогатило фундаментальные основы представлений об экономике, послужило базой плодотворных междисциплинарных исследований.

Таким образом, под действием критики отрыва от реальности происходило развитие (расширение) экономической теории за счет включения в ее предмет дополнительных явлений реальной жизни, а в ее научный инструментарий дополнительных методов исследования.

6. Микроосновы макроэкономики

В ходе последующей эволюции границы экономической теории расширились за счет широкого включения в ее предмет психологических факторов. Поскольку в центре внимания было поведение субъектов экономики, постольку *психологические факторы* этого поведения – ожидания, рациональные и иррациональные мотивы поведения, иллюзии в отношении ряда явлений (роли денег, экономических колебаний), ошибки в реакции на изменения стали объектом исследования современных разработок в области экономической теории.

Особенно активизировались эти подходы в связи с экономическим кризисом 2008–2010 гг. и попытками ответить на вопрос о причинах его «неожиданного» возникновения. «Экономическая теория, утверждавшая, что нам ничего не угрожает, попросту ввела население и правительство с большинством экономистов в приятное заблуждение. Но это ущербная теория: она не учитывает субъективный фактор в экономическом поведении и роль иррационального начала» (Акерлоф, 2010, с. 23–24).

Активное введение микроэкономических основ в макроэкономику началось в 1980-х гг. Одна из основных причин этого важного процесса, открывшего не только новый этап развития макроэкономики, но и экономической теории в целом, во многом *методологического порядка*. В экономической теории, насчитывавшей к последней четверти XX в. двести лет, предмет и метод были достаточно хорошо отработаны. Экономическая теория, изучавшая процессы микроуровня, объясняла, каким образом предпочтения людей, принцип максимизации заставляют субъектов рынка принимать рациональные решения. Механизм функционирования экономики получал логическое обоснование на основе мотивов действия экономических агентов.

В макроэкономике объектом исследования были агрегированные понятия, процессы, результаты. Объяснение экономических проблем на макроуровне теряло связь с основаниями деятельности индивидов, базовые принципы не находили применения в макроэкономике. Макроэкономика изучала другой мир¹⁶. Логический «разрыв» между разделами единой науки побудил макроэкономистов ввести микрооснования в макроэкономические процессы. Эти разработки не только методологически продвинули теорию, но и создали значительное приближение к реальности, к пониманию реальных процессов в экономике. Они же привели к необходимости коррекции важнейших теоретических концепций.

Так, важные шаги к современному пониманию были сделаны в теории равновесия. Концепция равновесия в экономике содержала в себе практически все основания (предпосылки, модели, результаты) классической и неоклассической парадигмы и, в свою очередь, как уже говорилось выше, хорошо доказывала максимум А. Смита. Как заметили авторы работы «*Spiritus Animalis*» Дж. Акерлоф и

¹⁶ По этой причине довольно долго после работы основателя макроэкономики Кейнса (вплоть до 1960-х гг.) этот раздел теории назывался «Экономический анализ».

Р. Шиллер, экономическая теория плохо объясняла безработицу, но она хорошо объясняла, почему даже в худшие времена кризисов 75% рабочей силы все же сохраняли свои рабочие места (Акерлоф, 2010).

Но кризис 2007–2010 гг. и его не пережитые до сих пор последствия во многих странах выдвинули на передний план проблемы *неравновесия*, нерационального поведения, неопределенности, непредсказуемости результатов деятельности людей и государств. Образно говоря, необходимо было объяснить не тот факт, что 75% работников работает, а то, почему 25% рабочей силы не могло найти применения в экономике.

Создавались новые версии теории экономических колебаний, в которых поведения индивидов фактически были детерминантами макроэкономических тенденций. Эти теории лучше объясняли экономику, отличавшуюся значительной неопределенностью и ослаблением самокоррекции. Авторы упоминавшейся выше книги «*Spiritus Animalis*» провели анализ двух великих депрессий в США в 1890-х и в 1930-х гг. Они показали, что банковские паники, негативные ожидания людей, недоверие к финансовым властям, собственно, и стали спусковым крючком глубочайших кризисов прошлого. Анализ последнего кризиса приводит к выводу: «Многие из этих событий прошлого порождены самой человеческой природой, влияние которой столь же велико, как и прежде. Люди все так же озабочены справедливостью, все так же подвержены искушению злоупотреблений, все так же возмущаются, когда чьи-то грязные делишки выплывают на поверхность, все так же сбиты с толку инфляцией, все так же склонны мыслить категориями бессмысленных историй, а не экономической реальности. События, подобные двум депрессиям, ...нельзя считать делами «давно минувших дней» (Акерлоф, 2010, с. 100).

Решение этих научных задач привело экономическую науку в междисциплинарную область, к тесному контакту с социологией, социальной психологией и проч.

7. Экономическая теория и конкретно-экономические дисциплины

«Просвет» между версиями экономической теории и реальностью в ходе накопления экономических знаний заполнялся конкретно-экономическими дисциплинами, выполнявшими в каком-то смысле, важную роль «переходника» от теории к практике.

Эволюция реальной экономики в XX в., усложнение ее отраслевой структуры, способов организации, углубление разделения труда и интеграции под влиянием научно-технического прогресса чрезвычайно изменили окружающую среду экономической деятельности и способы ведения бизнеса. На изменения экономической реальности гораздо быстрее реагировали прикладные исследования. Отражение изменений в экономической жизни стало задачей новых конкретно-экономических дисциплин – менеджмента, маркетинга, различных отраслевых

экономик, финансового анализа, экономики организации, корпоративной стратегии и др. Одновременно расширялись и возможности взаимодействия этих разделов науки. С одной стороны, экономическая теория включила в свой объект события и черты реальности, осмысливая их как новые свойства фундаментальных основ экономики. С другой стороны, новая деловая практика требовала осмысления, конкретно-экономические дисциплины по мере накопления практических знаний нуждались в обобщении изменений, происходивших в конкретных областях реальной экономической жизни.

Эти тенденции составили базу *взаимодействия* экономической теории и конкретных прикладных разделов экономических наук. История экономической науки знает немало примеров их взаимного обогащения. Приведем два примера того, как фундаментальные идеи экономической теории вошли в предмет прикладных дисциплин и стали затем явлениями экономической практики.

Идея Кейнса представить совокупные результаты деятельности экономики в виде потоков доходов и расходов (аналогично бухгалтерскому методу двойной записи позволила Ричарду Стоуну создать грандиозную статистическую систему национального счетоводства (СНС)¹⁷. Выработанные в этой системе понятия, в свою очередь, дали возможность четко определить (содержательно и количественно) основные макроэкономические переменные, развить на их основе модели, описывающие многие стороны экономики. Эта совместная работа послужила основанием новому разделу экономической теории – макроэкономике. В то же время теоретические представления о природе и структуре общественного богатства служат основой дальнейшего совершенствования СНС (в частности, определения границ секторов национального хозяйства и проч.).

Интересный пример взаимодействия экономической теории (на микроуровне) и конкретных дисциплин дает проблема эластичности. Впервые явление эластичности по отношению к потребительскому спросу было отмечено Маршаллом. Это явление разрабатывалось в одном из ключевых разделов в теории потребительского спроса. Много позже реакция потребительского спроса на изменение цен, степень такой зависимости, методы управления эластичностью спроса по цене и ряд других с этим связанных явлений стали важнейшим разделом маркетинга, рекламного бизнеса.

Со временем «расстояние» между теорией и прикладными дисциплинами, объективно обусловленное различиями предмета и применяемых методов, не было преодолено, но получило другое наполнение с точки зрения требовавших решения задач в этой «промежуточной» области.

¹⁷ За разработку системы национальных счетов Р. Стоун получил Нобелевскую премию 1984 г. (через 31 год после первой публикации СНС статистическим отделом ООН в 1953 г.). Эта система, принятая большинством стран, позволила не только дать количественные характеристики национальных экономик, но и осуществлять межстрановые сравнения. Без информации, которую предоставляла эта система, была бы невозможна осмысленная государственная политика.

Можно наметить несколько линий расхождения теории и тех проблем, которые выдвигает реальность и которые лучше, на наш взгляд, идентифицируются, исследуются, решаются конкретными дисциплинами, но не получили еще адекватного отражения в теоретических концепциях.

Прежде всего, это несоответствие принятого в теории понятия «репрезентативного хозяйственного субъекта» (фирмы, потребителя, домохозяйства) значительному *разнообразию конкретных* форм хозяйствующих субъектов. Индивидуальная «конфигурация» рыночного субъекта (размеры, формы организации, производительность факторов, степень инновационности и др.) на практике часто непосредственно определяют характер и тип поведения субъекта экономики. Эти стороны исследуются в маркетинге, менеджменте и в других прикладных дисциплинах. Но теоретическая модель, в основу которой положена репрезентативная фирма, не позволяет это многообразие отразить.

Одно из расхождений теории и практики – целевая функция субъектов рынка (фирмы, домашнего хозяйства), как она представлена в теоретической модели, как она выглядит в практической деятельности и как рассматривается в маркетинге, менеджменте. В реальной экономике имеют место *множественные цели*, не ограниченные только максимизацией прибыли (или полезности). Так, фирма может преследовать цели завоевание (удержание, расширение) рыночной доли, завоевание лидерства в инновационном процессе, повышение конкурентоспособности, завоевание авторитета фирменной марки и многое другое. Потребитель не обязательно максимизирует свою полезность. Он может преследовать вполне альтруистические цели – помощи ближним, благотворительности, служению научной идеи и т.п. Иными словами, *цели субъектов экономики составляют портфель*, и тогда рациональное экономическое решение скорее будет состоять в оптимизации портфеля, а не в максимизации одной цели.

Множественность целей и вариантов поведения субъектов рынка ставят проблему *механизма координации*, успешность которой – важнейший фактор эффективного функционирования экономики на практике, независимо от технической эффективности (Porter, 1996). Каким должен быть механизм такой координации помимо автоматической рыночной ценовой настройки или государственной коррекции – предмет, требующий детального исследования в теории.

В экономической теории, даже если иметь в виду ее наиболее продвинутые современные версии, не учитываются многие ключевые факторы *внешней среды*: на микро уровне – наличие групп интересов (менеджеров, сотрудников, акционеров, потребителей, поставщиков, органов государственной власти и проч.) и различия в их мотивации, значительно видоизменяющие поведение фирм и других участников хозяйственной деятельности. В макромоделли не включены в полной мере элементы институционального устройства экономики, способствующие или затрудняющее достижение эффективных целей, деформирующие «числительный модельный» результат экономической деятельности.

Однако расхождение между экономической теорией и конкретными дисциплинами не является серьезной научной проблемой, требующей «устранения». Каждый из этих разделов экономической науки имеет свои функции. Только экономическая теория дает *системное знание экономики*. Прикладные дисциплины не могут этого сделать за пределами своей конкретной предметной области. В то же время многообразие, *многофакторность мира* не может стать содержанием теоретических моделей, но является предметом исследования конкретных дисциплин. Обе эти области экономического знания ставят фактически единую задачу – создать такую картину изучаемого предмета, которая давала бы достоверную версию его изменений и, следовательно, возможность прогноза будущих тенденций.

Список литературы

Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс, 2010.

Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. М., 1994. № 4. 12 с.

Дебре Ж. Экономическая теория в математической форме. // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков в 5 томах. Мысль, 2004, том V, книга первая.

Блауг М. Методология экономической науки // НП Журнал Вопросы экономики, 2004. 32 с.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: «Дело Лтд», 1994. 657 с.

Коуз Р. Природа фирмы // Природа фирмы / под ред. О.И.Уильямсона и С.Дж. Уинтера. М.: «Дело», 2001. 35 с.

Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: «Прогресс», 1983. Т. 1. 382 с.

Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1986. 40 с.

Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе. Нобелевская лекция // THESIS. 1993. Вып. 1.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968, 300 с.

Фриш Р. От утопической теории к практическому приложению: случай эконометрики // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков в 5 томах. М.: Мысль, 2004. Том V, книга 1. 59 с.

Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. М.: Экономика, 1996. 29с.

Шумпетер И. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. 1501 с.

Экономика как искусство. Методологические вопросы применения теории в прикладных социально-экономических исследованиях / под ред. О.И. Ананьина. М.: Наука, 2008.

Эрроу К. Дж. Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков в 5 томах. М.: Мысль, 2004. Т. V, ч. 1. 141 с.

Vlaug M. Great Economists before Keynes. UK.: Edward Elgar. 1986.

Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // American Economic Review, 57. 1967. 349 p.

Plosser C. Understanding Real Business Cycles // The Journal of Economic Perspectives, Vol. 3, № 3.

Nort D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y., London // W.W. Norton & Co. 1981.

Porter M. What is Strategy ? // Harvard Business Review, 1996, Nov.-Dec.

Romer D. Advanced Macroeconomics. N.Y.: McGraw-Hill / Irwin. 2006.

ECONOMIC THEORY, REALITY AND APPLIED ECONOMIC DISCIPLINES: PROBLEM OF INTERACTION

Iskra Rudakova
Ph.D., Professor
MSU
Faculty of Economics
(Moscow, Russia)

Abstract

The article deals with the major lines of difference between fundamental principles of economic theory and applied economic disciplines. The author pays attention to debates on this issue, which has become particularly topical due to the recent economic crisis. Based on the milestones in economic theory's development, the author traces the historic roots of such difference which, to a major extent, is connected with characteristic features of the method applied by the science. The author shows how the debate between adepts of economic theory and applied economic disciplines benefited the progress in scientific development of the key approaches in economic theory.

Key words: difference of theory and practice, fundamental principles of theory, method of abstraction, operational concepts and notions, coordinated performance, micro-elements of macroeconomics.

JEL codes: A110, A120, B300, B410